

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ
МЧС *Спаси и
выживи!*

**ОСОБАЯ
МИССИЯ**

МЧС

Михаил Серегин

Седьмая версия

«Научная книга»

2008

Серегин М. Г.

Седьмая версия / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2008 — (МЧС)

© Серегин М. Г., 2008
© Научная книга, 2008

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Серегин

Седьмая версия

Глава первая

Всю недолгую дорогу от Тарасова до Булгакова мне придумывали кличку, а я делала вид, что обижаюсь, смущаюсь и, в общем, как могу, отбиваюсь от внимания к себе трех мужчин, составляющих вместе со мной нашу группу спасателей. На самом деле я не была смущена. Смущились бы скорее они сами, если бы до них дошло, что я прекрасно понимаю мотивы этого внимания к своей особе.

Кавээн, например, пытался, – неосознанно, конечно, – таким образом отделаться от собственной мысли о том, что я – красивая молодая женщина, а у него в тридцать пять лет все еще нет семьи и, судя по его испуганно-смущенной реакции на женщин, проявляющих к нему сексуально окрашенное внимание, никогда не будет... Дядя Саша предлагал мне такие варианты кличек, которые как бы ставили под сомнение мою половую принадлежность.

– Ольга, что, если мы тебя Психологом звать будем? – предлагал, например, дядя Саша – Александр Васильевич Маслюков.

У него кличка была совершенно очевидной и никакой другой быть просто не могло – его называли Кавээном уже лет десять... Я только что с трудом отбрыкалась от предложенных им же на общий суд Горца, Гиндукуша и еще почему-то – Талиба.

– Ну, это слишком длинно! – тут же возразил Игорек на Психолога. – Тогда уж просто – Психом! Коротко и откровенно.

– Ну уж нет, мальчики! – Я нахмурилась. – Так не пойдет! Психом я не буду... Психом будет тот, кто захочет меня обидеть...

– Игореша! Ты зачем Оленьку обижаешь? – заступился за меня Григорий Абрамович по прозвищу Грег. Оно ему совершенно не подходило и приклеилось случайно, потому что он был полным «тезкой» кадрового американского разведчика Грегори Абрахама Симпсона, которого я «обставила» недавно на границе Афганистана с Пакистаном. Правда, не без помощи нашей ФСБ. В Григории Абрамовиче не было ничего американского или суперменского. Он недавно разменял пятый десяток, носил старомодные очки в толстой роговой оправе, имел явно выраженное брюшко и вечно растерянный вид человека, который отвечает не только за себя, но и за других, хотя делать этого не умеет.

Начальник наш, майор Григорий Абрамович Воротников, терпеть не мог ссор в коллективе и всегда с ними боролся. Не разрешал нам ссориться. И при нем свары прекращались, вернее – откладывались до той поры, пока Грег не скроется из поля зрения. Каким бы ни был Григорий Абрамыч формалистом и сухарем, осторожным и сдержанным, мы его уважали, потому что он был один из Первых Спасателей, которые организовывали во времена моего младенчества эту, тогда еще добровольную, службу, мотались по командировкам за свой счет, отбивались от КГБ, обманом проникали в закрытые милицейскими кордонами районы, чтобы помочь людям, попавшим в беду... Рискую при этом свободой, а иной раз – и жизнью.

Поэтому Игорек язык немного прикусил. Но ненадолго. Да я, собственно, на него и не обижалась, только вид делала, что дуюсь на них. Тянула, как говорится, одеяло на себя изо всех сил.

Игорек усердствовал больше всех из-за того, что остался теперь единственным старшим лейтенантом в нашей группе спасателей МЧС. Единственным потому, что буквально недели две назад мне, самому младшему – и по возрасту, и по стажу – члену группы, присвоили звание капитана МЧС. Я ни секунды не сомневалась, что Игорек искренне рад за меня, но смириться

с этим ему, видимо, было непросто. Он явно был раздражен, хотя я не совсем понимала – чем именно – то ли столь одобрительным вниманием московского начальства к моим приключениям во время спасательных работ в районе кайдабадского землетрясения в Афганистане, то ли полным невниманием к нему, провинциальному спасателю, не раз доказавшему свой профессионализм, вытащившему из-под земли и обломков металла десятки людей, и вообще – лет пять уже сидевшему в звании старшего лейтенанта...

Между прочим, Игорек был классным аналитиком, самородком, можно сказать. И бывали такие случаи – там, где я, например, чувствовала – он знал. Он с детства обожал детективы, от словосочетания «дедуктивный метод» – просто тащился, и если бы не нашел применения своим способностям и склонностям в работе спасателя, обязательно открыл бы частное сыскное агентство...

У него кличек было много. Можно было, например, называть его фамилией любого из сыщиков – героев известных детективных романов, и он при этом отлично понимал, что обращаешься ты к нему, а не к кому-нибудь другому. Даже если произносишь эти фамилии с иронией... Без иронии, собственно, я и не называла его мистером Холмсом или мсье Пуаро. Игорька можно было назвать – «миссис Марпл» – и он нисколько не обижался.

Но так или иначе – он остался старшим лейтенантом в компании двух капитанов и майора. И потому – злился. Не на нас, скорее – на жизнь...

А в общем-то, я видела, что все нервничают, и знала причину этого. В Булгаков мы летели не на прогулку и не на экскурсию... Хм, «на экскурсию»... Как мне в голову-то такое пришло? Слишком уж Булгаков невзрачный городишко, ничего в нем особенно интересного, хотя и центр губернии. Жителей в нем что-то около миллиона...

Час назад майор Воротников получил приказ срочно прибыть со своей группой в район местонахождения железнодорожного моста через Волгу, расположенного в городе Булгакове... Причина вызова – «техногенная катастрофа первой категории сложности». Что конкретно – не сообщалось. По радио и телевидению никаких сообщений о катастрофе в Булгакове пока не было.

Мы пытались строить предположения, но среди спасателей как-то не принято фантазировать на эту тему – считается, что можно «накаркать». «Не провоцируй беду своей болтовней» – это один из законов неписаного Кодекса Первых Спасателей.

Я видела, как Кавээн нервно скреб пальцами свои вечно небритые щеки, Григорий Абрамович растерянно тер лысину, а Игорек время от времени вставлял ни к селу ни к городу: «... Что и требовалось подсказать!»

На меня тоже действовала атмосфера общего нервного ожидания неизвестности, и я, собственно, сама вылезла с предложением придумать мне кличку – чтобы отвлечь мужиков на себя, занять их мозги своей персоной... Ненаправленная психическая энергия – вещь не слишком полезная для дела. А оно предстояло скорее всего серьезное.

Лёту до Булгакова всего час, включая сюда же и время на маневрирование по рулевым дорожкам. Чем мне нравится МЧС, так это четкой работой с транспортом. Наш спецрейс был отправлен ровно через полторы минуты после того, как мы погрузились в министерский «Як-42». Никаких получасовых предполетных пауз, никакого ожидания в накопителе, никаких долгих разъездов по маневровым дорожкам. Через полторы минуты мы были в воздухе.

Мы расположились в маленьком салоне, первом от рубки пилотов. В нем работает оперативный штаб, когда этот самолет берет на борт министра с его свитой. Уютный такой салончик, на шесть мест, со столом, на котором обычно лежит карта местности, где произошла катастрофа. Правда, карту меняют не слишком часто – только когда на борт поднимается наш министр.

Вот и сейчас на столе красовалась подробнейшая, можно сказать – детальная, карта центральной части Камчатки. Я бы даже сказала – не карта – план местности, на котором обозна-

чено все, что находится на поверхности Земли. Вплоть до деревянных туалетов во дворах сельских домов, отдельно лежащих крупных каменных глыб, не говоря уже об отдельно стоящих деревьях... Все ясно – последний раз Министр летел на этом самолете на ликвидацию крупных лесных пожаров, которые, несмотря на все усилия и старания наших служб, пожарников, военных и местного населения, потушить так и не удалось. Сами погасли в конце сентября, когда зарядили дожди... Не смогли люди – природа сама справилась с бедой...

Дальше располагались еще два салона, мест на пятьдесят каждый, сейчас в них летели вместе с нами в Булгаков семьдесят волонтеров из полка гражданской обороны, тоже входящего в структуру МЧС. Уже судя по тому, что в одном только Тарасове за час собрали столько народа, можно было заключить, что произошло в Булгакове что-то серьезное... Волонтеры, как и мы, ничего толком не знали. До нас доносилось сдержанное гудение голосов из соседнего салона. То же обсуждал народ – куда летит и что делать там придется... Но не очень сильно шумели, пьяных не было.

Этим спецрейсом я летаю последние лет пять регулярно. Примерно раз в месяц. Работа такая – экстремальный психолог второй категории.

Профессия, надо сказать, у меня очень редкая – психолог-консультант оперативной федеральной спецгруппы спасателей. Федеральная группа – это такая сборная команда, которую посылают обычно как сборные команды спортсменов за рубеж. На наиболее крупные катастрофы. Она входит в международную спасательскую структуру ООН. В составе такой группы я побывала, пока писала свою диссертацию, и во Франции, и в Индонезии, и в Африке, и в Эфиопии – в общем, в разных местах планеты, где требовалось участие специалиста по экстремальной психологии.

Но, кроме этого, я вхожу и в местную, региональную команду спасателей, которая состоит из групп, подобной нашей, тарасовской – по четыре-пять человек классных специалистов в офицерском звании. Но часто нас всей группой вызывают не как специалистов, а как спасателей широкого профиля, когда нужны просто лишние руки, чтобы срочно спасти людей. Скорее всего, так оно случилось и на этот раз... К сожалению, как и остальные, я могла только гадать: что же произошло там, в Булгакове.

В пассажирский салон выглянул радист и жестом позвал нашего начальника к себе в рубку. Мы примолкли в ожидании новостей. Наверняка – какое-то сообщение, касающееся нас. Какое-нибудь уточнение приказа, точная формулировка задачи, информация о катастрофе, наконец.

Едва Григорий Абрамович появился вновь в салоне, три пары глаз уставились на него в напряженном ожидании. Я видела, что лысина у нашего начальника вспотела... Дела, значит, серьезные.

– Ну! – не выдержал Игорек. – Что там?

Григорий Абрамович достал носовой платок и принялся протирать и без того блестящую лысину. Этот жест у него был традиционным и означал, что начальник наш сильно нервничает...

– Речной теплоход...

– Что? Затонул?..

– То-то и удивительно, что – нет!

– Григорий Абрамович! – поспешила я вмешаться со своей помощью. – Расскажите по порядку. Зачем радист вас туда вызывал?

– Новости по «Русскому радио» послушать. Он их на пленку записал. Для нас специально... В Булгакове речной теплоход – огромный, четыре палубы – врезался в железнодорожный мост... Теплоход – две палубы всмятку, срезал подчистую, но на плаву держится... Мост вроде бы разрушен... Число жертв уточняется, не назвали даже ориентировочно.

– Что ж там уточнять-то! – воскликнул Игорек. – Число жертв равно числу пассажиров плюс экипаж минус число спасенных. Мост-то железнодорожный, не пешеходный... Что и требовалось подсказать...

Григорий Абрамович смотрел на него растерянно и продолжал натирать свою лысину... Я поняла: что-то не так. Не все он сказал.

– Что еще, Григорий Абрамович? – спросила я. – Игорь, кажется, перебил вас...

Он кивнул головой.

– Во время удара теплохода в мост по нему проходил пассажирский поезд...

– Мать твою!.. – сформулировал охватившие его эмоции Кавээн.

– Часть вагонов упала в воду, – добавил майор глухо, словно нехотя.

Говорить никому ничего не хотелось.

– До Булгакова осталось десять минут! – крикнул нам высунувшийся в салон второй пилот. – Приготовьтесь. От места посадки до моста шесть минут на машине. Местный диспетчер МЧС на связи. Дислокацию прибывающим группам сообщает. Будете говорить?

Григорий Абрамович побежал в каморку радиста. Вернулся он минут через пять – взъерошенный, с нахмуренными бровями – и строго поглядел на нас через свои очки с круглыми линзами.

– Сообщили, что нас встречают, машина на месте. Через пять минут садимся. Наш объект – кормовая часть теплохода. Всем быть готовыми...

Он помолчал и добавил:

– Ко всему...

Кавээн, у которого воображение работало со скрипом, спросил осторожно:

– Что там у них, Абрамыч?

Тот посмотрел на Кавээна прямо и жестко и ответил, хорошо представляя, что стоит за этим ответом, потому что был опытным спасателем и слов на ветер просто так никогда не бросал:

– Мясорубка...

У майора Воротникова с воображением все было в порядке... Оно всегда отличалось сдержанностью. И если уж он произнес такое слово...

...Спасателя никогда не интересует, где он будет спать, есть, словом, отдыхать... Все его мысли направлены только к месту катастрофы, на тот объект, где ему предстоит работать. Если вам встретится спасатель, который прежде всего будет интересоваться, как организовано питание, поставлены ли палатки для отдыха после смены, можете быть уверены, что долго он в спасателях не продержится. Или сбежит, или погибнет, в самый напряженный момент пожалеет свое тело вместо того, чтобы сконцентрироваться и заставить его принять трех-, пяти-, десятикратную нагрузку...

Когда колеса самолета коснулись посадочной полосы, мы вчетвером уже стояли у выходной двери, нарушая все правила безопасности полетов. Едва самолет замер, бортпроводница открыла нам входной люк и помогла спрыгнуть на бетон, не дожидаясь, когда подадут трап. Машина МЧС уже ждала нас рядом с самолетом. В спасательных работах счет идет на секунды, люди, которые нуждаются в нашей помощи, могут не выдержать и умереть, не дождавшись нас. Поэтому мы экономим эти секунды как только можем... Каждое мгновение может потом обернуться чьей-то жизнью.

Машина – яркий красно-синий «рафик» – мчалась по ночному Булгакову, не снижая скорости, которая была никак не меньше ста двадцати километров в час. Дорожная милиция организовала для нас зеленый коридор, и мы пролетели по пустому ночному городу минут за пять от аэропорта до Центральной набережной, которая начиналась под самым мостом. Мы выскочили из «рафика» и побежали к воде. Мотор катера взревел, как только нога бежавшего последним Игорька коснулась его палубы.

– Где? – стараясь перекричать рев мотора, спросил Григорий Абрамович голого по пояс матроса, стоявшего у руля...

Матрос не ответил.

Наш начальник и сам, наверное, понял, что его вопрос прозвучал довольно глупо, потому что и так невозможно было ошибиться с определением места катастрофы – ближе к левому берегу Волга около моста была ярко освещена. Издалека видно было, как уродливо торчат концы рельсов с обеих сторон моста над обрушившимся пролетом. На мосту и с той и с другой стороны натканы были прожектора, отчего застрявший между опорами теплоход с наполовину смятой надстройкой выглядел нереально и зловеще... На мосту, на скопившихся вокруг катерах копошились фигурки людей... Волга около места катастрофы была просто забита маломерными судами – в основном «казанками» и «прогрессами».

– Откуда их столько? – крикнула я матросу, указывая на лодки.

– Рыбаки! – ответил тот. – Какой-то праздник рыболова вчера был. А после разрешили у моста ночной лов до утра без ограничений... Они, кстати, десятки людей спасли, когда те из поезда начали выныривать...

Не снижая скорости, наш катер описал дугу, обходя суденышки, и, заглушив мотор, начал плавно подходить к борту теплохода... Метров двадцать пять вокруг него было свободное пространство на воде – ни одной лодки.

– Ух! Я бы эту сволочь!.. – Матрос, стоящий у руля, сжал правую руку в кулак и недвусмысленно потряс ею перед собой.

Мы даже и спрашивать не стали. Ясно было, что он говорит о капитане...

– Ты чего такой чумазый, друг? – спросил его Кавээн, и я действительно заметила, что плечи его покрыты темными мазутными пятнами.

– Нырнул пару раз, – ответил матрос и смачно выругался матом в адрес все того же злосчастного капитана теплохода...

Корма надвинулась вплотную над нами, и я увидела крупные синие буквы, опоясывающие по дуге кормовой бортик теплохода...

– «Сергей Есенин», – прочитала я.

Прямо над буквой «Е» был закреплен веревочный трап. Мы поняли, что прибыли. Пора высаживаться. Первым полез на теплоход Кавээн, я была третьей, последним, как всегда, Игорек. Первым и последним в нашей группе всегда идут более опытные и выносливые – в любой ситуации. Мы с Григорием Абрамовичем по этим параметрам всегда делим два последних места...

Я не успела еще забраться во вихляющемуся под ногами веревочному трапу, нижний конец которого натягивал Игорек, когда где-то сверху, у меня над головой, раздался весьма строгий, если не сказать суровый, голос. Неприятный голос, сразу слышно было, что принадлежит он человеку, облеченному властью.

– Кто?

– Тарасов. ФГС-1, – ответил наш майор, привычным жестом протирая платком свою лысину...

«ФГС – это значит федеральная группа спасателей, – вспомнила я, перелезая через леер, натянутый над кормовым бортиком. – А единица – это код нашего допуска. Он у нас высокий, мы можем работать практически везде, кроме космодромов и пусковых шахт стратегических ракет. Там нужно иметь нулевой допуск. А на такой аварии, как здесь, достаточно было бы и тройки...»

– Документы! – сурово потребовал тот же голос, и у меня возникло ощущение, что нас почему-то арестовали и допрашивают.

Теперь я рассмотрела человека, который выражался столь односложно. Он был высокого роста, очень худой, с острым носом и впалыми щеками. Взгляд у него настороженно скользил

по нашим лицам, и мне показалось, что я уловила нечто вроде усмешки, когда он на секунду задержался на мне... Слишком долго, пожалуй, задержался...

«Высокомерие к женщинам – верный признак обостренного чувства сексуальной неудовлетворенности, – машинально отметила я про себя. – Синдром Паниковского – „меня девушки не любят“... Следствие – повышенная агрессивность к представителям своего пола, в которых подозреваются более удачливые сексуальные конкуренты...»

Григорий Абрамович протянул ему наши бумаги, тот взглянул в них мельком и, удостоверившись, что в них все в порядке, вернул нашему майору.

– А это тоже – спасатель? – спросил он у нашего Грэга, вложив в последнее слово откровенную иронию, даже издевку.

– Экстремальный психолог второй категории капитан МЧС Ольга Николаева, – определила я ответ своего командира, а то начнет сейчас мямлить.

– А вы, собственно, – кто? – сообразил наш начальник, что отчитываемся мы перед каким-то неизвестным нам человеком...

– Полковник Краевский. Федеральная служба безопасности, – подчеркнуто внушительно произнес человек и посмотрел на нас свысока...

Пожалуй, даже слишком внушительно для нормального социального самоощущения. Такой взгляд скорее характерен для личностей, неудовлетворенных своим положением. Высокомерие, если уж оно взято на вооружение, становится универсальным способом психологической защиты...

– Тьфу, черт! – Кавээн сплюнул ему под ноги. – А я смотрю – чего такой худой-то, мать твою? Иссох, наверное, без опасности-то? Пошли, мужики, работать надо, а не лясы точить...

«Мужиков» я прощаю только Кавээну, скажи такое Игорек, ему не поздоровилось бы... Но Игорек себе такого и не позволил бы, он-то как раз меня как женщину воспринимает. У него совсем другие проблемы. Ему его место в жизни не нравится... Но для высокомерия он слишком открыт. Его психологическому типу больше подходит обида... Вот он на нас, капитанов с майорами, и обижается...

Кавээн двинулся вдоль бортика, мы – за ним, огибая рваное железо и внимательно глядя под ноги – такие места всегда чреватые «сюрпризами». Не заметишь, как окажешься где-нибудь в трюме, заполненном водой... А если еще упасть на груды искореженного металла... Можно считать, что твоя карьера на этом закончится. Впереди у тебя будет светить только пенсия по инвалидности. Это в лучшем случае. В худшем – на этом завершатся и твои жизненные заботы.

Впереди меня наш осторожный Григорий Абрамович что-то вполголоса выговаривал в спину Кавээну. Его слов я не расслышала, но ответил ему Кавээн громко, не скрываясь и не деликатничая:

– Да пошли они, козлы... Я ФСБ не подчиняюсь...

Абрамыч опять что-то забубнил.

На судне уже работала группа спасателей, человек десять. Впрочем, судном останки теплохода можно было называть с большой натяжкой. Скорее оно напоминало гигантское корыто, в которое навалили груды покореженного металла. Мы лишь по инерции продолжали называть его «теплоходом». Теперь это был плавающий гроб, общая могила для... Вот это-то мы и должны установить – количество погибших, а самое главное – разыскать и вытащить из обломков тех, кто еще жив, кому можно еще помочь...

Бывший теплоход стоял наискось между двумя опорами моста, не касаясь ни одной из них бортами и уткнувшись носом в лежащий под водой пролет моста. Только бурлящая на поверхности вода указывала на то, что под водой лежит огромное металлическое сооружение. Еще дальше, вниз по течению, стояли несколько катеров, с которых под воду спускались водолазы. Под катерами, как я поняла, на дне лежали вагоны, свалившиеся с моста в момент удара.

Мы, кстати, так и не знали пока, сколько вагонов упало с моста в момент катастрофы. Вагоны не входили в наше поле деятельности, ими занимались другие группы.

Мы сразу сориентировались и определили свой участок работы. Другие группы работали в груды металла с носовой стороны, нам, по плану, разработанному уже госкомиссией, нужно было подойти к месту наиболее сильных повреждений со стороны кормы...

«Сергей Есенин» был еще недавно четырехпалубным теплоходом класса «река – море», то есть мог совершать плавания как по рекам, так и по внутренним морям, по Каспию, например, Балтике или Средиземноморью. Океанская волна для него была бы высоковата, но для балтийских переходов «Есенин» был в самый раз. Построен он был лет двадцать назад в той части Германии, которая тогда называлась ГДР, и пришел на Волгу через Беломорско-Балтийский канал. Это был внушительный для волжских берегов красавец, высокий, с косыми приземистыми трубами, с плавными обводами и гордо, высоко задраным над волжской водой носом. Мне показалось на миг, что я вспомнила его стоящим у тарасовского речного вокзала... Впрочем, теплоходов такого типа на средней Волге не меньше десятка.

В том, что от него осталось, трудно было узнать прежнего «Есенина». Это было уже не судно, а металлолом, начиненный мертвыми телами. Мостом срезало у него полностью верхнюю палубу и почти полностью – третью. Вторая и даже первая в носовой части оказались смятыми и сдвинутыми к центру бесформенной грудой. На корме две нижние палубы уцелели, и даже самая ближняя к корме часть третьей палубы оказалась нетронутой. Относительно нетронутой. По крайней мере, там осталось несколько внутренних помещений, в которых можно было уцелеть, потому что переборки не были прижаты друг к другу вплотную, как в носовой части, и между ними вполне могло поместиться тело человека.

Из кормовых кают пассажиров уже вывели и переправили на берег. Им повезло больше других. Они «отделались» только психологическим потрясением, когда среди ночи, проснувшись от страшного скрежета, выскакивали на палубу и видели, как на их глазах передняя часть надстройки сминается в гармошку. Они знали, что там – люди... Нам следовало попытаться помочь тем, кто выскочить не успел. Если им еще можно было помочь.

Тот, кто впервые попадает на спасательные работы, особенно волонтеры из полка ГО, всегда совершает одну самую распространенную ошибку. Едва увидев, например, торчащую из завала руку или ногу, он «упирается» в нее, как баран, и не может от нее отвлечься, пока не освободит человека, чья конечность попала ему на глаза. Как правило, это уже труп. Но на операцию по его извлечению из завала потрачено драгоценное время. Опытный спасатель, увидев ту же руку, попытается прежде всего установить, жив ли еще человек. Если у него нет сомнений, что человек мертв, он оставляет его и идет дальше – искать живых. До тех, кто мертв, дойдет очередь позже...

Я сразу поняла специфику работы на теплоходе. Самая большая сложность заключалась в том, что это было слишком «гулкое» сооружение. Стук металла об обшивку разносился по всему корпусу, и определить, где именно находится источник звука, было очень трудно. Шум моторов катеров и лодок, скопившихся вокруг судна в ожидании раненых, крики спасателей и речников, далеко разносящиеся по воде, плеск волжской воды по обшивке создавали звуковой фон, сквозь который очень сложно было уловить стон раненого или крик с просьбой о помощи.

Работали мы в паре с Игорьком.

Кавээн с Греггом все никак не могли выяснить, нужно ли спасателям портить отношения с ФСБ или стоит придерживаться принципа разумной целесообразности, который в фольклорном варианте призывает к сдержанности – если, мол, дерьмо не трогать, то и запаха его не почувствуешь... В оценках оба наших спорщика сходились, но у каждого было свое представление о наиболее целесообразной манере общения с параллельной МЧС силовой структурой.

Я, кстати, не испытываю столь ярко выраженной неприязни к фээсбэшникам, у меня не слишком много было поводов для нее. Самый тесный контакт с ФСБ состоялся в Кайдабаде и

Гиндукуше, когда мне несколько дней пришлось провести с майором ФСБ Поляковым, правда, тогда он для меня был волонтером французских спасателей Полем. О том, что он фээсбэшник, я узнала только в Москве. Но контакт с ним не произвел на меня неприятного впечатления... Оно было, надо признаться, противоположным.

Что-то слишком пошло прозвучала моя последняя фраза, ведь в Москве наш с ним контакт продолжился в откровенно интимной обстановке...

Как бы там ни было, нас с Игорьком не слишком волновали взаимоотношения ФСБ и МЧС, мы целиком окунулись в свою работу... Я с трудом произношу слово «работа», когда вспоминаю эту грудку смятого, искореженного металла, сочащегося кровью. Сейчас, пока оставался шанс спасти еще хоть одного человека, я не была психологом, кандидатом наук. А была спасателем. Это дело я знала лучше любого волонтера.

Мы с Игорьком вооружились электропилами по металлу и пробивались по остаткам третьей палубы до встречи с идущими с носа спасателями из самарской группы. Диск пилы со скрежетом и визгом впивался в металлические стойки, вспарывал внутренние переборки, кромсал уцелевшие деревянные панели, если они попадались на пути. Пройти по палубному коридору и заглянуть в оба ряда кают было невозможно. Прежде всего потому, что не существовало самого коридора. Сила сжатия двигателя железно, из которого был сделан теплоход, во внутреннее пустое пространство. Коридор просто исчез. Проще было вскрывать одну за другой стенки кают и таким образом переходить в следующую в поисках пострадавших. Пока оставалась надежда, что кто-то еще жив.

Ближние к корме каюты оказались пусты с обоих бортов. В следующей, еще не слишком помятой, нашли лежащий на полу труп женщины. Ей просто не повезло. В момент удара она, скорее всего, упала с каютной койки и ударилась головой об острый выступ в креплении стола. Глаза ее были открыты, но в них не видно было ни страха, ни даже боли, лишь бессмысленное сонное выражение не успевшего проснуться человека. Она умерла, так и не поняв, что произошло. Ее соседи по трехместной каюте успели, судя по всему, выскочить на палубу. Мы с Игорьком даже не обсуждали вопрос, что нам делать дальше, а сразу же попробовали открыть следующую каюту, оставив мертвую женщину заботам «чистильщиков». Их работа в том и заключается, чтобы зачищать объект, полностью вынося с него мертвые тела...

Дверь следующей каюты оказалась настолько деформированной, что дверь ее назвать можно было, только обладая богатым воображением. Она торчала рваным куском железа, открывая какую-то темную дыру в помещении, из которого самостоятельно никто бы не сумел выбраться – разве что корабельная крыса... Не знаю, впрочем, живут ли они на современных теплоходах...

– Вскрываем! – сказал Игорек, хотя это и так ясно было, и мы с ним принялись срезать своими пилами искореженную дверь.

Короткая, но пронзительная сирена дала сигнал к минуте тишины. Каждые десять минут раздавалась она, по которой все спасатели прекращали свои работы и начинали напряженно прислушиваться – не раздастся ли сквозь отдаленный шум моторов и плеск воды крик о помощи и стон раненого человека...

Замерли и мы с Игорьком, стараясь даже не двигаться. Он смотрел в пол, закрыв глаза и пытаясь настроиться на максимально обостренное восприятие звуков... Я, замерев так же, как и он, смотрела на Игорька, прислушивалась, но слышала лишь его дыхание...

Минута уже заканчивалась, когда я вдруг поняла, что Игорек стоит, задержав дыхание, чтобы оно ему не мешало слушать... Значит, я слышу дыхание раненого человека. Я мгновенно сориентировалась и поняла, что звук дыхания, теперь показавшегося мне уже слишком хриплым и прерывистым, доносится из каюты, дверь с которой мы только что срезали и отбросили в сторону...

Я схватила Игорьку за руку. Он посмотрел на меня не совсем осмысленно, еще не вернувшись из блужданий по закоулкам окружающей нас акустической местности. Одной рукой я указала на каюту, другую подняла, призывая его прислушаться...

С окончанием минуты тишины вновь взревели и завизжали инструменты спасателей, вновь послышались матерные фразы, которые тоже входят у многих из спасателей в набор необходимых для работы принадлежностей... Редко я встречала спасателей, которые не матерятся.

– Слышал? – спросила я Игорку – Дышит!

– Осторожней, не порежь его! – крикнул он, тоже принимаясь удалять кусок перегородки, чтобы вскрыть помещение каюты.

Мы срезали один кусок металла, за ним пришлось убирать второй, третий... Когда Игорь отогнул железо, нашим глазам открылось исковерканное, не могу найти другого слова, тело человека. Верхняя часть его туловища была зажата между стенками каюты. Он, видно, не успел встать с койки, и это, скорее всего, спасло ему жизнь, иначе он был бы раздавлен каким-то металлическим бруском, вдвинувшимся в каюту и накрывшим его сверху козырьком. Жизнь, но не ноги. Они сломались у него посередине между коленями и стопами и под до жути прямым углом уходили в какую-то дыру в металлической обшивке.

Человек – это был мужчина – вряд ли приходил в сознание после полученной травмы. Дыхание его стало слышнее, но стонов не было... Сколько крови он потерял – неизвестно. Можно ли спасти его жизнь – тоже. Но это уже не наша забота, нам нужно как можно скорее освободить его из металла. Причем сделать это достаточно осторожно, чтобы не нанести смертельную травму...

Мы с Игорком коротко посоветовались и приняли единственно возможное решение – вырезать пассажира из каюты вместе с зажимающими его металлическими поверхностями. Постараться при этом не изменять положение его тела. Вновь завизжали о металл диски наших пил.

Едва я прорезала лист железа справа от раненого, как на руки мне полилась какая-то темная, густая жидкость. Вращающийся диск пилы разбрызгал ее по моим рукам и даже по лицу. Я выключила свой инструмент и провела рукой по лицу. Рука была в крови.

– Что это, Игорь? – спросила я.

– Это его сосед, – буркнул в ответ Игорек. – Работай, не отвлекайся...

Кабюта, похоже, была двухместной. Соседу не повезло. Он попал в «мясорубку». Я вскрыла лист железа, за которым находился сосед, в нескольких местах, и кровь струйками текла вниз, нам под ноги. В одном месте она даже била под давлением, красно-черным фонтанчиком... Что там, за этим листом, могло уцелеть?

Раздавленный сосед найденного нами раненого располагался несколько выше его. Когда я срезала наконец закрывавший его лист железа, на раненого начали падать куски разрезанного металлом на части тела. Я никогда не представляла себе раньше, что смогу держать в руках кусок человеческого мяса. Не оторванную или отрезанную руку, а просто – кусок мяса, с обрывками кожи и торчащими из сочащейся кровью мякоти костями... Но я смогла брать эти куски, вытаскивать их на относительно свободное место и складывать просто в кучу. Смогла, потому что нужно было помочь человеку, который еще жив. Он был залит кровью своего соседа, тело раненого сделалось скользким, и его очень трудно было удерживать в руках.

Наконец мы с Игорем отрезали все-таки металлический лист, в котором оказался как бы завернут этот человек, и, вызвав помощь, медленно и постепенно, без рывков и резких ударов перенесли на площадку, куда доставала стрела крана спасательного катера. Его зацепили тросами и прямо с железом вместе перенесли на один из дежуривших возле теплохода санитарных катеров, который, тотчас же набирая скорость, пошел к ближнему берегу...

– Куда его? – спросила я врача, который помогал нам после того, как осмотрел вытаскеного нами человека и оказал ему, какую возможно, первую помощь. Вколочил что-то, перетянул ноги жгутами. Врач оценил его состояние и довольно уверенно сказал, что выживет...

– Тут, как нарочно, на каждом берегу по станции «Скорой помощи» совсем недавно открыли, – ответил он на мой вопрос... – Сначала туда. Потом – не знаю. Слишком много поуродованных... Больницы переполнены уже... Здесь рядом, на Центральной набережной, неделю назад пристройку к стационару открыли в институте травматологии. Так ее через два часа после аварии уже до отказа забили, в коридорах лежат – голыми костями наружу светят... А жмуриков столько, что и не считает пока никто...

Мы сидели на корме после того, как нас с Игорьком окатили водой из шланга, чтобы смыть кровь. Курили. Перекур – не перекур, а дрожь в руках успокоить нужно было. Ведь каждая следующая наша находка обещала быть такой же, не менее жуткой...

– Пассажиров поезда много утонуло, – рассказывал врач, хотя мы с Игорьком и не спрашивали его об этом. – Стекла в вагонах толстые, рукой не разобьешь. А пробраться по коридору до двери – это рыбой нужно быть... Полузадохшихся всплыло много...

– Полузадохнувшихся... – сказал Игорек.

– Что? – спросил врач. – Ну да, конечно... Извините... Половину из них, наверное, откачают... А когда начали поступать раненые отсюда, с теплохода, – это вообще тихий ужас. Вы же сами видели – фарш, хоть сейчас на сковородку и котлеты жарь...

Наш щупленький, в общем-то, Игорек тяжело поднялся, подошел к упитанному, полноватому врачу, взял того за отвороты халата и рывком поднял на ноги. Тот неуклюже встал, недоумевающе глядя на Игоря, и испуганно откинул назад плечи и голову.

– Если ты, гнида, сейчас же отсюда не уберешься, я из тебя самого фарш сделаю... – Голос Игорька дрожал, и я не сомневалась, что стоит врачу открыть рот, как он окажется за бортом. – Они живыми людьми были, пока какая-то погань их в эту мясорубку не сунула.

Растерявшийся врач молча хлопал глазами и только тарачился на разъяренного спасателя.

– Брось, Игорек, – сказала я. – Он же просто боится смерти. Поэтому ему доставляет удовольствие говорить о чужой смерти. Тогда он ощущает, что еще жив. Он же от страха за свою жизнь прогнил насквозь. И смердит...

– Отставить бить врача! – скомандовал Игорю невесть откуда взявшийся Григорий Абрамович. – Отпустить врача! Взять себя в руки!

Металл в голосе Грега было настолько удивительно слышать, что я забыла о том, как сама только что испытывала к этому цинику в халате самую настоящую ненависть. Наш начальник, оказывается, занимал свою должность вовсе не по недоразумению, как мне иногда казалось. Но я плохо его знала – он умел быть жестким.

– А вы давайте отсюда! – повернулся он к врачу, который суетливо и все еще испуганно одергивал свой халат после того, как Игорек его отпустил. – И побыстрее, если искупаться не хотите...

Врач все понял и исчез, как и не было его...

– Что за базар, Игорь? – уже мягче, но с упреком сказал Грег. – Не можешь контролировать себя? На берег! Немедленно!

– Григорий Абрамович! Всё! – оправдывался Игорек. – Забыли об этом!..

Но через секунду сам же не выдержал и воскликнул, уже к Грегу обращаясь:

– Ему же, гаду, что человек, что лягушка – все равно! «Фарш»! Говнюк он, а не врач!

– Врачи, особенно те, кто видел много крови, часто становятся циниками, – сказал Григорий Абрамович. – Я циников не люблю... И в моей группе их не будет. Да их, собственно, и нет...

Наш командир неожиданно улыбнулся.

– Честно говоря, я бы помог тебе выкинуть его за борт... Но... Работать нужно, а не выяснять отношения со всем белым светом... А то – одному ФСБ не нравится, другому – врача растерзать на части хочется... А Психолог наш что скажет?

– Работа очень тяжелая, Григорий Абрамович, – попыталась я сформулировать причину вспышки Игоря. – Жуткая слишком...

– Я думаю, тем, кого мы отсюда вытаскиваем, тяжелее пришлось, – ответил Григорий Абрамович. – Вот им действительно жутко было. Представьте себя на их месте – и всё поймете...

– Да всё мы понимаем, – пробормотал Игорь... – Но он ведь...

– А раз понимаете – работать! – перебил его командир. – Люди вашей помощи ждут, а не разговоров. Там есть еще живые...

Глава вторая

Следующие часов шесть были сплошным кошмаром... Я превратилась просто в механизм какой-то, без эмоций, без чувств, только с единственной программой внутри – найти следующего человека, застрявшего в этих зловещих обломках металла...

Мы с Игорем отправили на берег еще восьмерых, подающих признаки жизни, пока не встретились с группой самарских спасателей, пробивающихся нам навстречу с носовой части. Самая сложная часть поврежденного теплохода была отработана. Остатки третьей палубы полностью проверены, все живые с этого уровня отправлены на берег в больницы, останки убитых – вынесены.

Параллельно с нами работали несколько команд на первой и второй палубах, где повреждения не носили столь катастрофического и жуткого характера, но и там далеко не все остались в живых. Хватало и раненых... А с верхних палуб на нижние просачивалась кровь и текла ручейками на заблокированных в каютах людей. Даже если останешься в живых, есть ли гарантия, что не сойдешь с ума?

Мы с Игорем как раз только закончили свою работу и смывали в очередной раз с себя из шланга чужую кровь, когда группа самарцев извлекла последнего раненого с третьей палубы. Он оказался ранен совсем легко, ходил самостоятельно, лишь левая рука у него была сломана в двух местах... Я обратила на него внимание, потому что вокруг возник какой-то шум. Он что-то не то требовал, не то доказывал, а спасатели, сами уставшие до последней степени и ничего не хотевшие слушать, пытались усадить его на катер и отправить на берег. Он, похоже, им сопротивлялся...

Этот человек почему-то меня заинтересовал, едва я его увидела... Он не был похож на остальных раненых прежде всего своей активностью и отсутствием признаков подавленности. Я подошла поближе и растолкала самарцев. Не могу точно ответить – зачем, но мне показалось необходимым выслушать этого человека. Может быть, ему требуется помощь психолога, а это моя прямая обязанность. Проще, конечно, отправить его на берег и забыть и о нем самом, и о его проблемах. Но в чем тогда смысл моей работы?

– Дайте его мне! – сказала я двум дюжим самарским молодцам, которые деликатно, но настойчиво и уже раздраженно пытались оттеснить человека, одетого в какой-то темный, заляпанный грязью, мазутом и кровью пиджак, к трапу, спущенному на санитарный катер, пришвартованный к нижней палубе теплохода.

Мне пришлось показать им жетон спасателя-психолога, выданный мне квалификационной комиссией специально для таких случаев, когда я вижу необходимость моего экстренного вмешательства. Жетон дает мне право хотя бы на короткую беседу с любым человеком в районе бедствия – и из числа жертв, и из числа спасателей. Это тоже часто бывает необходимо.

Я взяла человека за рукав его грязного пиджака и отвела в сторону от скопления усталых и раздраженных людей. Прежде всего я оценила его психологическое состояние. У него и намек не было на аффект, о котором твердили самарцы, желавшие запихать его на санитарный катер, лишь бы избавиться от лишних проблем...

– Наконец-то нашелся один нормальный человек, – сразу заявил он мне, когда я достала сигареты и предложила ему закурить. – За последние десять минут фразу: «Немедленно в больницу!» я услышал, наверное, раз двести... А я как раз, может быть, хочу – медленно...

Мы уселись с ним на каких-то здоровенных металлических тумбах, на которые наматывают при швартовке причальные канаты. Право, не знаю, как они называются.

Я вдруг поняла, глядя на него, что за замызганный пиджак на нем надет. Это же китель! Передо мной человек из экипажа и, судя по с трудом узнанному мной кителью, – не рядовой матрос. Его рассказ о том, как все случилось, может очень помочь в спасательных работах.

Если он, конечно, видел сам момент катастрофы, а не находился в своей каюте. Произошло-то все ночью.

– Кто вы? – спросила я, уже почти зная ответ.

– Старший помощник капитана «Есенина», черти б его разодрали, Васильев Виктор.

– Вы видели момент катастрофы?

– Я был на мостике вместе с капитаном, когда мы подходили к этому треклятому мосту...

Я пытался рассказать этим... которые меня вытащили... Но они не слушают ничего. Разговаривают между собой, а я – словно сумасшедший среди них...

– Вы говорите, были на капитанском мостике, а как же вы оказались в каюте третьей палубы? – спросила я, чтобы прежде всего понять, как вел себя человек в момент катастрофы, а затем уже сделать вывод – можно ли верить тому, что он рассказывает, или это только плод его перепуганного воображения.

– На подходе к мосту я поднялся в рубку, хотя смена была не моя и, по идее, я должен был спать еще часа три... Но отчаянно болела голова и я просто хотел проветриться – накануне засиделись за картами со штурманом. Он и должен был стоять на вахте... Но его там не оказалось... Рулевого – тоже. В рубке был капитан и сам стоял у штурвала. Я спросил, где Василич, это штурман наш. Самойлов ответил, что тот болен, попросил его заменить... Такое бывает иногда... Рулевой, говорит, что-то долго за чаем на камбуз ходит... А я смотрю – берег должен быть слева, а он – справа... Я уставился на него, на берег, не понимаю ничего, голова еще болит, как с перепоя. Соображаю туго. Наверное, думаю, боковым ходом идем, на водохранилищах не один судоходный фарватер есть, можно, в принципе, и выбрать любой из двух, а то и трех, в некоторых местах. Хотя это и нарушение, конечно... Потом на капитана посмотрел, а тот побелел весь, руки дрожат, аж прыгают на штурвале. Сам вперед уставился и замер так весь, словно каменный. Рукой не шевельнет. Дрожит только... Я за ним следом вперед посмотрел, а там, из тумана, мост на нас надвигается и близко уже, машины не то чтобы полный назад, даже застопорить не успеем. То есть ясно уже, раз боковым ходом идем под мостом – не проходим по верхнему габариту, сто процентов! Под мостами для нас один только фарватер проложен – под самым высоким пролетом... А до моста – минуты полторы осталось. Течение ведь нас туда же несет. Меня как толкнуло что-то. Я к капитану подскочил, от руля его оттолкнул, одной рукой дернул рукоятку – передал в машинное – «полный назад!», а другой начал руль выворачивать круто влево. Успею, думаю, поперек пролета теплоход развернуть, тогда не столкнемся, а только прижмет нас к мосту течением... Скандал, конечно, будет огромный, но людей не угробим... Теплоход вроде начал поворот, но смотрю – не успевает он развернуться. Пролет уже прямо на нас с капитаном наползает... Рулевая рубка с капитанским мостиком на уровне третьей палубы находится...

Он оглянулся на груды искореженного железа, находившуюся над его головой, и поправился:

– ...Находилась...

Я не перебивала его, давая возможность выговориться, а сама пыталась представить, как все произошло и почему... Я чувствовала, что он уже не может носить все это в себе, что ему нужно рассказать кому-то, кто будет его слушать. Поведать о том, что он видел, что чувствовал в этот момент, что понял...

– Секунд за десять до первого удара он пятиться начал с мостика... Я про капитана говорю, про Самойлова... Белый как полотно, глаза – с чайные блюдца, а сам кричит, как сумасшедший...

– Что кричит? – спросила я.

– А ничего. Просто – кричит... «А-а-а!» Так это, знаете, с нарастанием. Потом повернулся и по трапу вниз, как белка, ловчей любого юнги. А ему уж все-таки сорок пять. Не мальчик. На радикулит частенько жаловался. Не врачам, конечно, – мне...

Васильев помолчал, глубоко затянулся наполовину уже истлевшей сигаретой, выпустил дым в сторону и продолжил. Видно было, что каждое слово дается теперь ему с большим трудом...

– Не знаю, почему, но я побежал за ним. Должен был я в рубке остаться, наверное. Раз уж капитан сбежал оттуда. Но я за ним побежал. Тоже, кажется, что-то кричал. Что-то вроде – «Стой!», что ли? Не могу вспомнить. Помню только – Самойлова я не догнал, он успел уже по третьей палубе добежать до лестницы и скользнул вниз. Тут и ударили мы в мост со всей нашей дури...

Помощник капитана опять замолчал...

– Вы после этого еще видели капитана живым? – спросила я.

– Я после этого видел, как человека дверью каюты пополам разрезает, как мозги вытекают из его раздавленной на моих глазах головы... Видел, как одна из стен начинает двигаться навстречу корме, все и всех сметает на своем пути, прижимается к противоположной стене и начинает двигать ее. А люди, которые между ними оказались, – в лепешку... И кровь течет из этой железной гармошки...

– Капитан мертв, как вы думаете? – спросила я Васильева, чтобы вернуть его к теме нашей беседы...

– Я же говорю – не видел его больше... – раздраженно буркнул он. – Но думаю, что он выжил... Я бы задал ему пару интересующих меня вопросов... Поэтому и в больницу ехать не хочу...

Резкий скрипучий голос со знакомыми высокомерными интонациями раздался за моей спиной слишком неожиданно и заставил вздрогнуть.

– Вопросы ему мы сами зададим. Если, конечно, его найдут живым, – какой-то намек послышался мне в словах полковника Краевского, но я так и не смогла разобраться, на что он намекал. – С каких это пор экстремальные психологи подменяют собой следственные органы? Это нарушение субординации. Я буду вынужден доложить об этом инциденте вашему руководству...

– Этот человек нуждался в помощи! – ответила я, чувствуя себя абсолютно правой. – Я выполняю свои прямые обязанности.

– Этот человек нуждается во встрече с государственной комиссией, которая определит степень его вины в том, что произошло с кораблем, в командование которым он входил и несет ответственность за пассажиров...

Краевский отбарабанил все это без малейшей запинки. Канцелярский стиль речи, наверное, очень соответствует состоянию души людей, прячущихся за систему, в которой они работают. А когда прикрылся силой своей структуры, можно и самому немножко вылезти, душу свою потешить... Какую, впрочем, душу? Жалкую, трусливую душонку! Непременно сейчас скажет какую-нибудь мерзость...

Краевский поднял жестом погасшего сразу Васильева с его металлического сиденья, наручником пристегнул его правую руку к своей левой и, уже повернувшись, чтобы уйти, бросил мне через плечо:

– А свои прямые обязанности женщины, если они, конечно, женщины, выполняют в постели... Разве психологам об этом неизвестно?

Хам! Что еще сказать? Другого я, может быть, и пожалела бы еще за такое отношение к женщинам. В конце концов, это же не вина его, а беда – что-то вроде болезни... Но он отнял у меня собеседника, который что-то хотел рассказать, я это почувствовала по атмосфере его рассказа. Он должен был рассказать мне о выводах, которые сделал после всего случившегося... Но этот хамло влез своим солдафонским сапогом в наш едва установившийся контакт с Васильевым и все разрушил... Сейчас старпома начнут нагружать чувством личной вины за случившееся, он это вину готов принять, я это видела. В результате он замкнется и не скажет чего-

то важного, чего не успел доверить мне. И никому теперь не скажет. Сам будет мучиться, в одиночку...

Я чуть не выматерилась. И тут же поймала себя на мысли, что Васильев в разговоре со мной не употребил ни одного матерного слова. Неужели на него действовало, что я женщина? Мне не раз приходилось разговаривать с людьми в стрессовых ситуациях, подобных сегодняшней, и мат в таком разговоре присутствует практически всегда... Не знаю, право, почему... Есть у меня, конечно, гипотеза, объясняющая это резким повышением либидо во время стресса, другими словами, увеличением в критической ситуации сексуального потенциала человека, что связано с древнейшими процессами формирования самой психики человеческого вида... Когда право расходовать свою сексуальную энергию доставалось самцам после острой и опасной борьбы, связанной со смертельным риском... Древний психический процесс закрепился в генетической памяти и у современного человека срабатывает в обратном направлении. А простейшая реализация полового акта – замена его словесным эквивалентом... Вот и матерятся люди в момент опасности и непосредственно после нее. И не только мужчины, женщины, кстати, – тоже...

Впрочем, это всего лишь гипотеза, прямого отношения к делу не имеющая. Я вспомнила о ней только потому, что помощник капитана теплохода «Сергей Есенин» Виктор Васильев в эту гипотезу не укладывался... Либо у него был другой, более прямой, более актуальный путь расходования стрессовой психической энергии... Например, – адресная агрессия... Вполне возможно, что это каким-то образом связано с капитаном Самойловым...

Стоп! Васильев сказал, что капитан нырнул в люк, ведущий на вторую палубу... Насколько мне известно, капитан теплохода еще не обнаружен. Мне интуиция подсказывала, что он, скорее всего, жив. Не зря же Васильев был в этом уверен...

Судя по его рассказу, капитан был личностью не слишком сильной, не слишком смелой... Впрочем, у меня недостаточно информации, чтобы делать подобные выводы... Вот если бы с ним самим поговорить. За минуту разговора с человеком можно узнать о нем столько, сколько не вычитаешь за час из его безликого личного дела...

– Григорий Абрамович! – бросилась я к нашему командиру. – Подождите! Нам рано на берег! Нам нужно спуститься в трюм...

Не только Грег, они все трое уставились на меня удивленно.

– Зачем? – спросил наконец наш майор, искренне недоумевая. – Там будет работать новая смена... Нам отдыхать пора...

– Я не устала, Григорий Абрамович! – Я, конечно, врала, но сама искренне верила в то, что говорю. – Разрешите мне тогда одной спуститься...

Этого было достаточно, чтобы оскорбить их всех троих и разгневать нашего командира. Я, собственно говоря, но то и рассчитывала.

– Во-первых, это будет грубое нарушение техники безопасности спасательных работ. Поодиночке вести поиск в опасных для жизни местах категорически запрещено... Во-вторых, никто из нас не устал, но дисциплина есть дисциплина... Наша смена начнется через три часа, за которые мы должны полностью восстановить силы...

Заметив, что это противоречит тому, что он сказал по поводу усталости, вернее, ее отсутствия, Григорий Абрамович смутился и прервал свой командирский монолог... Я тут же этим воспользовалась, чтобы изложить свои аргументы. Не особенно убедительные, честно говоря, но у меня не было никакой уверенности, что кто-то сейчас станет искать капитана в трюме, а найти его было мне почему-то совершенно необходимо. Я просто должна была с ним поговорить, чтобы успокоиться...

– Я только что разговаривала с человеком, который сообщил, что капитан за несколько секунд до столкновения бросился вниз по внутренним лестницам и переходам. Это означает, что наружу он не вышел, поскольку ни среди раненых, ни среди умерших мы его не обнару-

жили. Я считаю, что направление его движения не изменилось и после столкновения. Тем более что не меньше минуты помещения, через которые он должен был бежать, оставались совершенно целыми. Думаю, что капитан бежал вниз до тех пор, пока была такая возможность... Мне ли вам, Григорий Абрамович, объяснять, насколько важна фигура капитана сейчас для государственной комиссии, устанавливающей причину катастрофы...

По тому, что наш Грег начал сосредоточенно протирать свою лысину носовым платком, размазывая по ней пятна грязи, я поняла, что он засомневался.

– Поймите, наконец, что это человек, на которого ложится вся ответственность за случившееся. Он может быть деморализован, может находиться в аффективном состоянии. Он вполне способен сейчас на неадекватные поступки. Что, если в этот момент он разбивает себе голову о какую-нибудь железяку?

Глухие удары, раздающиеся откуда-то снизу, сопровождали весь мой монолог. Конечно, ударами головы о корпус судна такого звука достичь было бы нельзя, разве только если бы голова оказалась металлической. Скорее всего, кто-то из работающей смены спасателей орудовал кувалдой, пробираясь в недоступное место. Но на Грега, похоже, эти звуки больше всего и подействовали...

– Пошли! – коротко приказал он. – В конце концов, никто не может запретить нам увеличить свою смену на лишний час...

Ни Кавээн, ни Игорек не стали возражать против такого решения. После получасовых поисков, во время которых мы облазили все машинное отделение, матросскую казарму, или как там называется их общежитие на теплоходе, остановились в некотором недоумении. Обследовали мы, дай бог, пятую часть помещений, находящихся ниже ватерлинии, а затратили на это полчаса. Если подходить к решению задачи фронтально, мы явно не успеем довести работу до конца, потому что физические силы, у меня, например, были на исходе. Да и мужчины мои выглядели далеко не бодрыми. Григорий Абрамович, по-моему, уже жалел, что ввязался в эту авантюру... Кавээн хмурился и поглядывал в сторону, пытаясь не встречаться со мной взглядом. Игорек тоже сначала помалкивал, а потом взял меня за плечо и сказал с предельной откровенностью:

– Так, Оля... Твоя была идея, ты и принимай решение. Искать нужно избирательно. Всё подряд мы за неделю не осмотрим – столько здесь разных закоулков... Ты давай-ка напрягись, спроецируй на себя все, что о нем знаешь, и попытайся представить, куда бы пошла на его месте...

Игорька послушать – прямо-таки знаток метода психомоделирования поведения. Беда только в том, что информационно-топографическая база у нас с капитаном разная. Проще говоря, одни и те же вещи на корабле мы называем по-разному. Для меня, например, корабельный колокол – он и есть колокол. А для него – рында... То же самое и с названиями помещений. Помещение, где живут матросы, это кубрик, а у меня в словаре такого слова вообще нет... Как же мы поймем друг друга, вернее, как я пойму его намерение, если не смогу объяснить, даже если и сообразу что-то...

Впрочем... Стоит все же попробовать.

Я вспомнила все, что сказал мне о капитане Васильев, заставила себя мысленно повторить все его действия, учла, что он должен был хорошо представлять себе последствия столкновения теплохода с мостом, и внутри меня начала подниматься паника... Я стояла с закрытыми глазами, а ноги поневоле стали дрожать от нетерпения бежать куда-то, скрыться от... От чего? От надвигающейся опасности? Нет! Нет... Об опасности я знаю и знала раньше... Убежать! Спрятаться. Забиться в темный угол и сидеть там, сжавшись в комок, исчезнув, растворившись в темноте... Спрятаться! Вот главное чувство. От людей – от своего экипажа, от товарищей, от подчиненных, от пассажиров, которые на моих глазах становятся жертвами...

– Он хочет спрятаться от людей... – сказала я вслух. – Одиночество и темнота. Где может быть на теплоходе такое место?

– Склад! – тут же выпалил Игорек. – Где же еще? Туда неделями никто из экипажа не заглядывает, только случайно. Там самое безлюдное место на судне. И помещение темное, если свет не включать...

Склад относился к помещениям, не пострадавшим от столкновения ни в малейшей степени, он был закрыт на ключ и, наверное, еще и поэтому никому в голову не пришло искать кого-нибудь там...

Не сомневаюсь, впрочем, что как только чуть-чуть спадет первый угар спасательных работ, как только вытащат всех людей и начнется разборка завалов для контрольного поиска, часть спасателей, особенно из числа волонтеров, непременно отправится на поиски этого самого склада... Мы их обычно называем мародерами, морды им бьем, когда ловим, увольняем, но толку никакого. Искоренить это явление невозможно. Пока есть общая беда, будет и мародерство... Я знаю о чем говорю. Не найдя, к примеру, склад, подобные «спасатели» отправятся по останкам кают в поисках вещей пассажиров. А кое-кто из наиболее ловких успел наверняка обшарить карманы у всех, кого отправлял на берег, и столь же внимательно следил за чемоданами пассажиров, как и за их растерзанными телами...

Но на складе, похоже, никто еще не побывал. Может быть, тому способствовало отсутствие обычной пломбы на двери и таблички, удостоверяющей, что это именно склад. На двери был написан только номер – «54». Игорек легко вычислил, что за ним, поскольку пару раз плавал по Волге на подобных теплоходах, и в силу своей вечной любознательности облазил, конечно, все судно. Теперь ему легко было сообразить: расположение специализированных помещений на судах однотипное.

Едва мы срезали замок с двери, вернее, вырезали его аккуратным полукругом, как где-то вдалеке тесно заставленного, но довольно обширного помещения что-то загремело, зашуршало... словно огромная крыса пробежала по складу и забила куда-то в угол...

– Самойлов! – крикнула я в темноту. – Выходите! Не бойтесь... Вы же мужчина... Вы даже не знаете толком, что случилось там, наверху... Вы боитесь только своих мыслей об этом... А от мыслей не спрячешься даже здесь, в темноте. Вы же сами уже убедились в этом... Выходите... Не заставляйте нас искать вас и ловить, как нашкодившего мальчишку... Вы – капитан. Ваше судно еще на плаву и вы должны за него отвечать...

Нет, мне не удалось его уговорить и сам он к нам не вышел, но он не прятался, а сидел и слушал, что я говорю... Григорий Абрамович почти наткнулся на него, когда, повернувшись, выхватил лучом фонарика покато опущенные плечи и запрокинутую назад голову. Самойлов сидел у стены, прижавшись к ней затылком и закрыв глаза... Он был жив, но бледен, словно покойник...

– Здесь он! – крикнул нам Грег, и через несколько секунд Самойлов уже сидел в перекрестье четырех фонарных лучей...

Он открыл глаза и дико заозирался по сторонам. Тело его напряглось, руки задрожали. Капитан был очень сильно напуган...

– Уберите свет! – сказала я резким тоном, и сразу же три луча метнулись в стороны, а мой сполз немного вниз, не ослепляя сидящего на полу капитана.

– Вы Самойлов? – спросила я его, хотя почти не сомневалась, что это он и есть.

– Я был капитаном... – пробормотал он. – Я почему-то не умер вместе со всеми... Никого не осталось... Все умерли... А я решил остаться в живых... Я не понимаю, как я посмел... Это недоразумение... Все сложилось так неудачно... Это бесполезно...

– Успокойтесь, Самойлов, умерли не все, – перебила я его, сама недоумевая, как мог факт так и не увиденного им события так сильно подействовать на человека, что привел его психику в нерабочее состояние... – Вы же не видели еще того, что наверху произошло...

– Нет! Нет! – закричал он вдруг. – Я не хочу этого видеть! Я знаю, что там! Я не хочу... Я долго об этом думал... Я не могу этого видеть... На борту оказалось слишком много пассажиров... Я все видел уже – только что, когда сидел с закрытыми глазами...

– Когда же успели вы долго об этом думать, – машинально возразила я ему. – Вот теперь действительно придется думать долго, за всю жизнь, наверное, не передумаешь...

Вряд ли я стала бы его утешать, в конце концов, его жизни опасность больше не угрожала, самоубийство мы ему теперь совершить не дадим, а сидеть рядом и гладить его по головке – с трудом представляю, чтобы такое входило в обязанности психолога...

Я не успела до конца сформулировать свое решение в отношении найденного нами капитана, как нас всех пятерых ослепил мощный луч переносного прожектора, и в складе стало светло, как на пляже в солнечную погоду. У входа стояли пятеро автоматчиков в защитного цвета форме, а в нашу сторону направлялся Краевский. Прожектор слепил глаза и заставлял прикрывать их рукой, видно было плохо, но я не сомневалась, что это тот самый фээсбэшный полковник с плохо скрытым комплексом неполноценности...

– Почему я второй раз сегодня застаю вас за деятельностью, которая является нарушением межведомственных соглашений о компетенции силовых структур? – резко начал он опять что-то вроде лекции о правах и обязанностях, а я подумала, что, наверное, только автоматчики сдерживают сейчас нашего Кавээн...

– Вы обнаружили виновника произошедшей трагедии, – продолжал Краевский спокойно, но вдруг перешел почти на визг: – Так какого черта вы расспрашиваете его неизвестно о чем, вместо того, чтобы...

Он так же внезапно прекратил визжать и продолжал дальше опять спокойно:

– ...Вместо того, чтобы передать его в руки соответствующих органов, то есть в наши руки?

– Ты знаешь, какой ты орган, полковник? – не выдержал Кавээн. – Вот-вот, тот самый, о котором ты подумал... Забирай своего дристуна и вали отсюда подобра-поздорову вместе с автоматами своими... Ты ведь здесь не на Лубянке. Там наверху – сотни три спасателей, они твои автоматы на части разберут. Вместе с тобой...

– Саша! Саша, спокойнее, пожалуйста, – убеждающе произнес Григорий Абрамович. – Полковник просто очень хочет быть генералом и иногда забывается... Ведь правда, Краевский? Тот молчал, глядя на нас насмешливо в отблесках прожектора.

– Все, рябята! – сказал Григорий Абрамович, обращаясь к нам. – На этот раз – на берег! И без всяких там посторонних разговоров!

И первым пошел к выходу. Мы двинулись за ним. Замыкающим шагал Игорек...

...Всю дорогу до берега я не могла сообразить, что же в словах капитана так меня то ли задело, то ли насторожило?... Ярко выраженное чувство вины? Но это нормально для такой ситуации... Что же еще? Вот, например, почти все его фразы начинались с «Я...»... Это – как?... Да тоже, в общем-то, нормально, если учесть, что вину он полностью принимает на себя, и даже какие-то явные нарушения в работе психики у него есть... Что же еще?..

Так ничего и не сообразив, я свалилась спать, едва нас привезли на булгаковский берег в разбитые прямо на набережной палатки...

Глава третья

Майор МЧС Григорий Абрамович Воротников, наш командир и наша «мать родная», опекающая нас, в силу своих возможностей, от всевозможных неприятностей и проблем, связанных, главным образом, с начальством, сформировался как руководитель в те уже баснословные сейчас времена, когда ни одно воинское подразделение, ни один гражданский коллектив не обходился без замполитов или партторгов. В своих политических симпатиях он отнюдь не был близок к коммунистическим идеалам, скорее – наоборот, но методы работы того времени въелись в него неистребимо. Поэтому частенько он устраивал нашему маленькому коллективу какие-то непонятные мероприятия, по форме – не то политинформации, не то партсобрания – откровенные разговоры о внутренних проблемах нашей маленькой группы, о наших общих заботах. А их у нас, как и в любом коллективе, бывает немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.